

Залитые водой рисовые поля поблескивали на солнце, точно зеркала. Стоило крестьянину ступить на пашню, как по воде расходились круги, а из-под ног летела густая мутная жижа.

Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань облюбовали каждый по участку: засучив штанины, они низко согнулись над землей, споро выдергивая сорную траву.

Всякий раз, когда они с трудом вытягивали ноги из болотной жижи, чтобы сделать шаг вперед, мокрая грязь издавала забавные хлюпающие звуки.

— Бабушка!

Этот негромкий оклик заставил Доу Цзиньхуа разогнуть спину. Пэй Цзаоань тоже поднялся и, прищурившись от яркого солнца, посмотрел в сторону межи.

К ним шел Чанся. В руках он нес тяжелую глиняную крынку с колодезной водой. Опустив сосуд на траву у самого края поля, он положил сверху чистый сверток из промасленной бумаги и промолвил:

— Бабушка, в узелке рисовые коржики. Я их прямо на крынку положу, чтобы не испачкались.

— Хорошо, — отозвалась Доу Цзиньхуа и тут же снова согнулась в три погибели, возвращаясь к прополке.

Чанся задерживаться не стал. Он споро зашагал обратно по узкой меже, а когда обогнул поле и выбрался на торную тропу, ведущую к лесному склону, то заметил Чэнь Чжи и соседку Чжао Цинь, которые о чем-то увлеченно беседовали.

— Тетушка, — подошел ближе юноша и вежливо поклонился.

— О, Чанся! Ты откуда ведешь путь? — с улыбкой спросила Чжао Цинь.

Юноша почтительно ответил:

— Да вот, делал крюк к заливным полям, дедушке с бабушкой колодезной водицы носил, чтобы жажду утолили.

— Какое же у вас дитя почтительное да разумное, — от души похвалила Чжао Цинь.

На лице её цвела довольная улыбка, и было ясно, что на сердце у женщины царит полная благодать.

И радость эта томила её уже не первый день. Дело в том, что сватовство к её дочери, Ян Сяотао, слава предкам, слажено, и свахи уже всю выбирали по календарю самый благополучный день для свадьбы.

Да к тому же старшая невестка, которая прожила в их доме без малого полтора года, наконец-то понесла — в животе у неё затеплилась новая жизнь. Когда в семействе всё ладится да спорится, с чего бы ходить хмурой?

Перекинувшись еще парой слов, Чжао Цинь подхватила с травы свою бамбуковую корзину и промолвила:

— Ладно, я пойду, пожалуй. Дел невпроворот, вы тоже не сидите.

Чэнь Чжи и Чанся не успели сделать и нескольких шагов, как их нагнал запыхавшийся Пэй Яо. Теперь уже вдвоем они ходко пустились вверх по склону.

В эти предвесенние и предвсходовые дни рис на полях еще только наливался силой, а стебли бобов на суходоле не вошли в пору уборки. С мелкой сорной травой на грядках дедушка с бабушкой справлялись своими силами, так что большой спешки в полевых работах не было.

Пользуясь затишьем, Чэнь Чжи решил подняться на гору да набрать диких ягод годжи. Втроем-то дело пойдет куда бойчее, и ягод можно принести полную корзину.

Давеча, когда Чанся уходил на заливные поля, Пэй Яо вдруг вспомнил, что в суматохе позабыл дома свою верную рогатку, оттого ему пришлось со всех ног бежать обратно в усадьбу.

Теперь же он шел, небрежно поигрывая рогаткой в ладони, и то и дело пиная носком сапога мелкие камушки, выбирая из них самые круглые да гладкие про запас.

Чэнь Чжи промолвил:

— Коли подстрелишь парочку жирных диких голубей, отнесем их твоему а-гуну да а-по в Старый посад. Сварят наваристый бульон, пускай старики силы укрепят.

[А-гун и А-по (阿公 / 阿婆) — уважительные и теплые родственные обращения к дедушке и бабушке. Согласно местному диалекту, так называли стариков как со стороны отца, так и со стороны матери.]

Он вел речь о родителях Чэнь Чжи — дедушке и бабушке Пэй Яо по материнской линии. В здешних краях, на десять ли в округе, в ходу был именно такой обычай — звать их уважительно «а-гун» и «а-по», без деления на близкую и дальнюю родню.

— Хорошо, папа, я погляжу. Как поднимемся повыше, выберу место поглуше да поросшее лесом — там этих голубей пруд пруди, набыю вмиг, — небрежно отозвался Пэй Яо.

Глаз у парня был верный, а рука крепкая, так что из лесу без дичи он возвращался редко.

Чанся шел, внимательно глядя под ноги. Вдруг он замер, нагнулся и выковырял из подсохшей грязи круглый, на диво гладкий голыш — не слишком большой и не маленький, как раз под размер кожаного седла рогатки.

Он усердно потер камушек ладонью, счищая остатки сухой земли, после чего повернулся к названному брату и протянул находку:

— Вот, держи.

Пэй Яо аккуратно двумя пальцами подхватил голыш, стараясь даже ненароком не коснуться пальцев Чанся.

После папиной науки парень и впрямь стал вести себя куда скромнее да благонравнее. Теперь, даже оставаясь с Чанся наедине, он более не пытался лаской или силой склонить его к запретным нежностям.

С одной стороны, до него наконец-то дошло, что до законного брака надобно блюсти чистоту и вести себя благопристойно. А с другой — парень внезапно уразумел: стоит сыграть свадьбу, и всё пойдет чин по чину, законно да честно, и тогда уж ни одна живая душа не посмеет ему

поперек слова сказать.

Так что лучше сейчас побыть смирным, нежели снова отведать папиной дубины.

Чэнь Чжи тоже приметил на тропе пару отличных круглых камушков и, подняв, ловко забросил их сыну.

Пэй Яо на лету поймал голыши и как ни в чем не бывало продолжил взбираться на гору.

Тропа становилась всё круче, то и дело петляя между валунами и уходя в затяжной подъем.

Заросли дикого годжи облюбовали пологий, открытый солнцу склон холма. Деревьев тут почти не росло, отчего взору открывался простор, да и сам подъем не казался слишком утомительным.

Ярко-красные, налитые соком ягоды годжи плотными гроздьями свисали с веток, напоминая россыпи драгоценных рубинов. Под их тяжестью тонкие побеги гнулись к самой траве.

Впрочем, кустов здесь было не так уж много. Судя по обломанным веточкам и заломам, кто-то из деревенских уже успел побывать на склоне, но за последние пару дней как раз подоспела новая волна спелых плодов.

Чанся во время работы всегда помалкивал, уходя в дело с головой.

Сегодня ножниц с собой никто не прихватил, но поскольку собирать надобно было исключительно спелые, багряные ягоды, руками дело шло куда быстрее. Да и таскать с собой тяжелые ветки было не с руки — лишний вес, да и места в корзине они занимали прорву.

Пэй Яо тем временем ушел чуть в сторону и всю оглядывал кроны ближних деревьев.

Глаз у него был зоркий: среди густой листвы на высокой ветке дуба он приметил грязно-серую пичугу.

Однако птица эта была из тех, у которых один только крупный остов — костей много, а мяса с гулькин нос.

Побродив по лесу еще немного и не найдя ни жирной дичи, ни диких голубей, он с досадой заткнул рогатку за пояс и воротился к кустам, помогая собирать ягоды.

— Что, ни одной птицы не добыл? — поинтересовался Чэнь Чжи.

Пэй Яо вздохнул:

— Да ладно, папа, ничего путного не видать. Чуть позже поднимемся повыше, там и погляжу.

На самом-то деле охотничий задор проснулся в нем от праздности — руки чесались пострелять, да к тому же ему страсть как хотелось подбить парочку жирных горлиц, чтобы сварить их для верного пса Сяо Бая.

В тот памятный год, когда Пэй Яо смастерил свою первую рогатку, в нем проснулась недюжинная страсть к охоте. К тому же от природы парень обладал редкой меткостью, оттого и повадился каждый божий день пропадать в лесных дебрях.

Поначалу его верные друзья, Ян Фэннянь и Пэй Жун, с великой охотой бегали вместе с ним на

гору, но вскоре их пыл поутих.

Пэй Яо чаще всего приносил домой диких горлиц. Семья Пэй ела эту птицу так часто, что вскоре при виде птичьего супа у всех домочадцев лица кривились в горькой мине — птичье мясо им смертельно надоело.

Под конец даже сам Пэй Яо на эти горлицы смотреть не мог, но выбрасывать добычу рука не поднималась — как-никак, а всё же дичь, кусок мяса.

Горлицы в здешних краях ценились недорого — в лесах их летало великое множество, да к тому же ощипывать мелкую птаху — мороки не оберешься. Когда припасы в доме девать стало некуда, Чэнь Чжи взялся раздавать дичь: пару штук унесет тетушке из Старого посада, парочку забросит двоюродному дяде, чтобы тот побаловал себя свежатиной. А уж коли старшая сестра, Пэй Ютан, навещала в гости к родителям — ей непременно вручали целый узел с птицей.

Бывали дни, когда Пэй Яо приносил больше десятка птиц разом. Раздав дичь всей деревне, парень видел, что она всё равно остаётся. Тогда Пэй Юва забирал штук семь-восемь горлиц и вез их на городской рынок. Чтобы поскорее сбыть товар, он отдавал птицу за бесценок, но всё же ухитрялся выручить за день без малого сорок медных взней.

Со временем, однако, домашних хлопот прибавилось, полевые работы требовали больше сил, и на долгую торговлю в городе времени не осталось. Теперь птиц, которых Пэй Яо подбивал в часы досуга, отдавали на съедение псу.

В те годы белого Сяо Бая в доме еще не было, но старый верный желтый пес привередливостью не отличался и уплетал птичье мясо каждый день с великим удовольствием.

Обобрав спелые ягоды на этой поляне, троица двинулась дальше вдоль опушки леса.

В отличие от смиренного Чанся, Пэй Яо знал эти лесные тропы как свои пять пальцев.

И пускай родители с бранью да побоями строго-настрого запрещали мальчишкам углубляться в глухую чащу, они с Ян Фэннянем в пору бурной юности частенько втайне прокрадывались в самую глубь леса, находя в этих вылазках неизъяснимую прелесть. Начитавшись старых сказок, они даже мечтали отыскать в горах драгоценный корень женьшеня, волшебный гриб линчжи или редкую чагу.

Женьшеня они, понятное дело, не нашли, зато в девственном лесу нос к носу столкнулись с огромной пестрой змеей, свисавшей прямо с ветки старого дуба.

От такой неожиданности мальчишки едва не ткнулись лицами в толстое, с добрую суповую миску, змеиное брюхо, которое мерно покачивалось на ветру. Подростки, которые до этого держали в руках разве что мелких ужей, от страха вмиг побелели как полотно, а у кого-то и ноги подкосились.

Благо, все они были парнями гордыми и радели о чести, оттого визжать да позорно бежать сломя голову не стали. Они чинно, пятясь задом, отступили на несколько шагов, после чего переглянулись — и как припустят со всех ног прочь из леса!

Опасаясь отцовской порки, об этой встрече они родителям, конечно, не обмолвились.

Отыскав еще один нетронутый островок дикого годжи, Пэй Яо снова ушел в сторону,

высматривая птиц, а Чэнь Чжи принялся споро обирать кусты, лишь крикнув сыну вслед, чтобы тот не уходил слишком далеко.

Чанся проводил взглядом эту высокую, статную фигуру.

Пэй Яо двигался с удивительной легкостью: ноги его ступали уверенно и твердо. Мальчишка с пеленок бегал по этим местам, оттого и в горах передвигался очень быстрее.

Бросив лишь один взгляд, юноша поспешно опустил голову и принялся собирать ягоды.

Ноги его утопали в густой, примятой траве, которая приятно пружинила, создавая ощущение мягкого ковра.

Пэй Яо хоть и казался с виду поджарым да худощавым, но хлипким его назвать под силу разве что слепцу: широкий холщовый пояс плотно охватывал его крепкую, мускулистую талию.

Длинные ноги, сильные руки — даже со спины, не видя лица, можно было безошибочно узнать это ладное, дышащее молодой силой и задором юношеское тело.

Чанся прежде никогда не обращал на это внимания. Пэй Яо каждый день крутился перед глазами, оттого заметить, как мальчишка мало-помалу превращается во взрослого мужчину, было почти невозможно. Юноша лишь знал, что названный брат стал намного выше ростом.

Но сегодня, бросив этот случайный взгляд, он внезапно осознал перемену.

А ведь и впрямь...

Пригож собой.

Ему вспомнились слова, что давеча нашептал ему Ван Сяочань. Тот уверял, будто многие деревенские девчата да шуаньэры украдкой заглядываются на Пэй Яо: силы парню не занимать, в полевых трудах он первейший мастер, да к тому же лицом вышел на диво ладный, а нрав имеет приветливый и уважительный. Коли кто из сверстников — особенно девицы или шуаньэры — заговаривал с ним, он всегда вежливо отзывался, и никого в обиду не давал.

Не то что эти неотесанные, крикливые деревенские обормоты.

Ван Сяочань сам был шуаньэром, всего на год младше Чанся. Дом его семьи стоял на отшибе, ближе к Старому поселению, оттого он больше знался с тамошней молодежью.

Чанся, кроме верной подруги Ян Сяотао, поддерживал добрые отношения и с Ван Сяочанем. А всё потому, что оба они были тихими, скромными, и в обществе друг друга чувствовали себя легко и непринужденно.

Ван Сяочань был чуточку бойчее робкого и неразговорчивого Чанся — он просто отличался природной застенчивостью, но среди своих эта застенчивость мигом улетучивалась. Вот он и пересказывал Чанся все деревенские сплетни да новости, о которых сам приемыш и ведать не ведал.

Слушая тогда восторженные речи Ван Сяочаня, Чанся лишь растерянно открывал рот, не зная, радоваться ему или горевать. Ему страсть как хотелось поведать другу истину, да духу не хватало: «Знал бы ты, Сяочань, как этот "пригожий муж" ухитряется обижать людей наедине!»

Но эти речи, понятное дело, открывать чужим ушам было никак нельзя.

История с папиной поркой, конечно, не укрылась от бдительного ока деревенских жителей, но, к великому счастью, истинную причину гнева папа скрыл намертво — ни единого слова за ворота усадьбы не просочилось.

По правде говоря, прежде Пэй Яо его никогда не обижал. На людях они и вовсе держались особняком, каждый занимался своим делом.

Бывало, Пэй Яо останавливался перекинуться парой слов с деревенскими девушками или шуаньэрами. Чанся в эти разговоры никогда не вмешивался — лишь кротко улыбался одними губами или отходил на несколько шагов вперед, терпеливо поджидая, пока названный брат закончит беседу и догонит его.

Ван Сяочань тогда еще добавил, что многие в деревне втайне завидуют Чанся — дескать, такого завидного жениха отхватил!

Сяочань был человеком простым да прямым: что услышит в деревенских разговорах, то без утайки и выложит другу, безо всякого умысла.

Оба они были еще слишком юны и не ведали любовных вздохов да нежного томления.

Чанся тогда лишь глупо хлопал глазами, и только сегодня до его разума наконец дошел истинный смысл тех слов.

Впрочем, на сердце у него по-прежнему было спокойно. Если позабыть о том срамном случае в лесу, они ведь и так со дня на день должны были стать супругами.

Вот только...

Он до сих пор никак не мог взять в толк: с чего вдруг Пэй Яо ни с того ни с сего вздумал творить такие непотребства и целовать его силой?

Дело касалось чести и скромности, оттого расспрашивать брата юноша не смел, послушно пряча эту обиду в самой глубине души.

\*

Побродив по горам больше двух часов, Чанся и Чэнь Чжи набрали по две полные корзины спелого годжи — ноша вышла увесистой и знатно оттягивала плечи.

Пэй Яо тоже вернулся не с пустыми руками: помимо трех жирных горлиц, он ухитрился подбить трех диких крякв с зелеными головами и четырех округлых, упитанных перепелок.

Парень обыскал все кусты в поисках перепелиного гнезда, но безуспешно, а то бы семейство Пэй полакомилось еще и свежими перепелиными яйцами.

Варить дикую птицу — дело нехитрое, да только обитатели дома Пэй на это варево смотреть больше не могли.

Приметив среди добычи перепелок, Чэнь Чжи прикинул про себя: «А не зажарить ли их в кипящем масле со специями? Расход масла, конечно, выйдет приличный, да и повозиться придется, зато хоть вкус новый будет. А то коли снова сварить или с овощами потушить — никто к миске и палочкой не прикоснется».

Троица уселась на открытой лесной полянке, чтобы перевести дух. Они споро уплетали

прихваченные из дома рисовые лепешки, запивая их ключевой водой из бамбуковых фляжек.

Утром, отправляясь в путь, Чэнь Чжи предусмотрительно выдал каждому по две рисовые лепёшки, дабы голод не застал их врасплох в лесной чаще.

Окончив скудную трапезу и немного переведя дух, они увидели, что солнце припекает всё сильнее. Однако спускаться в деревню было рано, и они продолжили поиски ягодных кустов.

Пэй Яо вызвался нести тяжелую корзину Чэнь Чжи, а свой собственный короб, где лежали лишь подбитые птицы, закинул за плечи — ноша эта была легкой и спину не ломала.

Он обернулся и посмотрел на Чанся: юноша шагал ровно, упрямо переставляя ноги. Несмотря на хрупкое телосложение, тяжелая бамбуковая корзина не тянула его назад к земле, оттого парень промолчал.

Они долго кружили по склонам, пока обе корзины не наполнились спелыми ягодами до самых краев. Лишь тогда Чэнь Чжи утер обильный пот со лба и скомандовал возвращаться домой.

— Донесешь ли? Не тяжело? — спросил Пэй Яо, подойдя вплотную к Чанся.

Юноша присел на корточки перед широким валуном, поудобнее перехватил плетеные лямки корзины, накинул их на плечи и с усилием распрямил спину.

Ноша и впрямь была не из легких. Услышав вопрос брата, он поднял на него свои чистые глаза и со всей искренностью ответил:

— Донесу. Не тяжело.

И он вовсе не пытался казаться храбрецом: в прежние годы ему доводилось таскать из лесу вязанки хвороста куда тяжелее этой корзины.

С малых лет приученный к тяжелому крестьянскому труду, он со всяким делом справлялся отменно, а уж носить тяжести и вовсе было делом привычным. Свои силы юноша ценить умел и никогда не прибеднялся.

Впрочем, Чанся прекрасно ведал, что до мужской силы Пэй Яо ему далеко. Помнится, когда в лесу он пытался вырваться из его рук, то не смог даже сдвинуть названного брата с места, сколько ни упирался.

Так что обижаться на то, что Пэй Яо считает его слабаком, было глупо.

В конце концов, в прежние годы, когда ноша и впрямь оказывалась Чанся не по плечу, названный брат всегда без лишних слов перекидывал его короб на свои плечи.

От такого честного и прямого ответа Пэй Яо даже поперхнулся, решительно не зная, что сказать дальше.

Ему вспомнилось, как в прошлом году хрупкая и нежная Пэй Силуань, не удержав на плечах легкую корзинку с травой, тихонько пожаловалась подружкам, что ноша слишком тяжела. Так сидевшие неподалеку деревенские парни гурьбой бросились к ней, наперебой предлагая свою помощь.

Ян Фэннянь тогда опоздал на самую малость и после долго ходил чернее тучи, сокрушаясь об упущенной возможности прослыть героем.

Пэй Яо тогда лишь посмеялся над другом: «Подумаешь, беда какая! Коли охота с девкой поговорить — подойди да скажи пару слов, делов-то. А то у самого за спиной короб не собран, трава для свиней не кошена, а он чужие корзины таскать вызывается — дурак дураком».

К тому же в тот день Чанся тоже был с ними, и Пэй Яо загодя принаравливался к его шагу, готовый в любую минуту забрать у него ношу, коли приемыш выбьется из сил.

Как бы то ни было, а они оставались членами одной семьи, и смотреть, как Чанся надрыгает спину под тяжелым коробом, парень бы не стал.

Оттого и бегать перед чужими девками ради хвастовства у него никакого задора не водилось.

Чэнь Чжи, чья корзина была полегче, ушел далеко вперед. Шагая по тропе, он внезапно приметил в траве куст дикого купёна [купена (или диоскорея), лекарственное растение, чей крупный корень ценится в Китае за питательные и укрепляющие свойства ].

Папа споро сошел с тропы и при помощи острого сучка выковырял из влажной земли корень — плод оказался на диво крупным и сочным. Радостно опустив находку в корзину, папа принялся увлеченно шарить глазами по округе в поисках новых корней.

Пэй Яо, не найдя, что ответить на столь прямодушные слова Чанся, немного разозлился в душе: «Ну что за недотепа! Никакого кокетства в нем нет».

И, сердито зыркнув на приемыша, буркнул:

— Ну и тащи сам, коли так!

Чанся лишь удивленно хлопал ресницами, искренне не понимая, с чего вдруг названный брат опять взвился. Он ведь и так несет свою корзину, никого не просит.

Глядя на широкую, сердито удаляющуюся спину Пэй Яо, юноша лишь вздохнул: «Опять, что ли, обиделся? Ну и нрав у парня...»

<http://bllate.org/book/17875/1730698>